

Князь П. А. Вяземский в Вологде
(очерк из истории эвакуации в эпоху наполеоновского нашествия)*

Отличительной чертой эпохи Отечественной войны 1812 года являлось стирание резких противоречий между столичной, погруженной в политику жизнью и «вековой тишиной» жизни провинциальной. Экстремальность событий наполеоновского нашествия внесла в облик периферийных территорий существенные изменения, поскольку на смену обычной каждодневности пришли ускоренное протекание социального времени, динамичность психологических процессов, изменение общественных настроений и чувств. Огромнейшее государство в одночасье превратилось в «кишащий муравейник» и, подобно броуновскому движению, напоминая сплошную магистраль, вдоль которой, утопая в грязи, тянулись подводы правительственных учреждений, обозы с ранеными воинами, нестройные ряды ополченцев, эвакуированное население, колонны пленных. Центр в России сместился на периферию, все дороги в государстве теперь вели в провинцию, в тыловые губернии.

Нашествие Наполеона в Россию в 1812 г. вынудило большую часть населения провинциальных и столичных городов, находившихся по пути следования неприятеля, покинуть свои жилища и отправиться в эвакуацию в другие губернии. Покинувшая свои «родовые гнезда» столичная интеллигенция оседала группами на периферии государства. Попавшие в Нижний Новгород, Петрозаводск или другие города, семейства оказались в непривычном для них бедственном положении. Особенно ярко это проявилось после оккупации французскими войсками первопрестольной столицы.

Современники великих потрясений вспоминали, что для тихого северного городка, коим являлась Вологда, осень 1812г. оказалась необычайно оживленной. По большой Московской дороге по направлению к Вологде тянулись обозы с эвакуированными жителями первопрестольной столицы. Отправленный в Вологодскую губернию своим отцом в августе 1812г. будущий декабрист Д. И. Завалишин отмечал в своих воспоминаниях: «Вологду мы нашли набитую уже битком приездими, удалившимися из губерний, ближайших к Москве и Петербургу и из находившихся по пути движения неприятеля».

Среди первых, кто оказался в старинном губернском городе, был известный поэт александровской эпохи П.А. Вяземский. В июле 1812 г. он, как и тысячи его сограждан, выступил на защиту Отечества. Записавшись в Московское ополчение в качестве адъютанта, поэт поступил на службу к генералу М.А. Милорадовичу. Принимал участие в Бородинском сражении. За отличие в этой битве награжден орденом святого Владимира 1-й степени с бантом. После сражения, по причине болезни, П.А. Вяземский покинул ополчение и отправился к семье в Москву. Но ехать было уже некуда... Первопрестольной столице угрожала оккупация. Поэтому П.А. Вяземский со своим семейством первоначально был вынужден отправиться из Москвы в Ярославль, а затем — в Вологду.

Приехавший в конце сентября 1812 г. в Вологду, поэт поселился в центре города, неподалеку от соборной площади и архиерейского подворья. По соседству с ним он нашел проживавшего в этом городе давнего друга его семьи и почтенного поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого. Соседство сблизило старых знакомых, поэты теперь встречались ежедневно. Ю.А. Нелединский работал над своими стихами и постоянно советовался с П.А. Вяземским.

* Следует отметить, что история эвакуации князя П. А. Вяземского в Вологду в период наполеоновского нашествия отчасти затрагивалась представителями нескольких поколений отечественных исследователей. Отправной точкой в изучении вопроса о жизни и творчестве известного русского писателя и общественного деятеля в северном губернском городе явилась публикация его эпистолярного наследия эпохи Отечественной войны 1812 года. Представленные и прокомментированные непосредственно самим П. А. Вяземским они увидели свет на страницах историко-литературного сборника «Русский архив». См.: Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский архив. 1866. Год четвертый. Стлб. 217— 254. Кроме того, среди наиболее интересных исследований этого сюжета биографии П. А. Вяземского упомянем следующие публикации: *Фортунатов Ф. Н.* Памятные заметки вологжанина // Русский архив. 1867. Год пятый. № 12. Стлб. 1649-1708; *Гура В. В.* Русские писатели в Вологодской области. Вологда, 1951. С. 43—48; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969; *Коше-лее В. А.* Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 36—43, 71—77; *Гура В. В.* Времен соединенье: Очерки. Портреты. Этюды. Обзоры. Архангельск, 1985. С. 67-75; *Федоров В. Н.* Штрихи жизни и творчества П. А. Вяземского в эпоху 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции (Бородино, 4-6 сентября 2000 г.) / Сост. А. В. Горбунов. М., 2001. С. 260-267.

Вспоминая об этом периоде, поэт в 1848 г. писал: «В Вологде, когда он на досуге занимался пересмотром и переправлением стихотворческих своих рукописей, он требовал моего мнения». Следует отметить, что за время пребывания в Вологде придворный поэт повторно перевел «Тормасову оду», и, по замечаниям П.А. Вяземского, она стала «достойна подлинника». Вообще, известный поэт высоко ценил время, проведенное в Вологде с Ю.А. Нелединским-Мелецким. Среди мемуарного наследия поэта сохранилась специальная статья в память о своем старом друге, где особое место П.А. Вяземский отводил Вологде. По мнению П.А. Вяземского, именно в Вологде их сблизило общение и нравственно обогатило «декабриста без декабря» чувством искренней дружбы с человеком, замечательным «не столько деятельностью и событиями гласной жизни своей, сколько умственными и психическими явлениями жизни своей внутренней».

Встречались поэты и у П. А. Вяземского, читали собственные сочинения и сочинения других стихотворцев. В Вологде поэт на суд читателей и ценителей поэзии представил несколько новых своих стихотворений: «В альбом Татьяне Федоровне Остолоповой», «Путь к честности», «Песня», «Оправдание Вольтера», «Вакхическая песнь».

Сохранившиеся источники позволяют говорить, что особенно часто поэты проводили время у «третьего литературного посредника», вологодского епископа Евгения (Болховитинова), «ум... многие и обширные сведения, редкое добродушие [которого], придавали этим беседам особенную прелесть». Епископ возглавлял Вологодскую кафедру в 1808—1813 гг. Во время нашествия Наполеона благословлял вологодских добровольцев, ушедших в Петербургское ополчение. Епископ Евгений вошел в русскую историю как известный ученый, академик, историк, археограф, литератор. Его перу принадлежат известнейшие и влиятельнейшие труды по русской истории, церковной истории и филологии. Он являлся первым историком и собирателем древностей Вологодской епархии. При посредничестве П.А. Вяземского известный историк и литературовед осенью 1812 г. стал одним из корреспондентов Н.М. Карамзина в написании «Истории государства Российского». Из Вологды епископ Евгений почтенному историографу отправил некоторые документальные памятники, среди которых особенно выделялся «Боянов гимн».

Наметились осенью 1812 г. контакты П.А. Вяземского с известным поэтом начала XIX в. Н. Ф. Остолоповым, служившим тогда в Вологде губернским прокурором. Столичный поэт к тому времени только еще входил в литературу, а его коллега из провинции считался признанным корифеем. Стихотворения и проза Н.Ф. Остолопова были известны П. А. Вяземскому, и, учитывая этот факт, начинающий стихотворец осмелился отправить губернскому прокурору письмо с приглашением посетить его временное пристанище:

Я в Вологду попал бог весть
Какой печальною судьбою.
Московский житель с ранних пор
Как солнце мой увидел взор,
О Вологде, перед тобою
Я признаюсь, — не помышлял,
Ни в явь, ни между сновидений
О ней не думал, не гадал...

Далее в стихотворении говорилось о «скуке одинокой», сопровождавшей поэта в прогулках по Вологде, о желании знакомства с новыми людьми и чтении адрес-календаря, в котором П. А. Вяземский с радостью увидел среди имен незнакомых чиновников имя Н. Ф. Остолопова:

Светлеет пасмурный мой взор —
Здесь муз любимец прокурор!
Не откажи ты мне во дружбе,
В одной считаемся мы службе,
Хотя и не в одних чинах...

Вологодский губернский прокурор и поэт Н.Ф. Остолопов откликнулся на этот призыв к дружбе ответным посланием, в котором выразил искреннюю радость по поводу приезда в Вологду начинающего коллеги. Он его поблагодарил за приглашение, однако объяснил

невозможность встречи некоторыми обстоятельствами, которые приключились с ним незадолго до этого:

Могу ль явиться я с повязкой,
С ужасной, черной головой,
Как с обгорелой булавой?
Злодеи на меня напали,
Ограбили и пощелкали
Так сильно, крепко, что чуть-чуть
Не привелось мне махнуть
Туда...
Но дело, право, не о том:
По чести, в незнакомый дом
Предстать уродом очень стыдно.
И так уж поневоле видно,
Я должен неучтивым быть
Сперва тебя к себе просить
Приди — прошу и ожидаю...

Обменявшись стихотворными посланиями, поэты посетили друг друга, и между ними завязалась дружба. Вспоминая об этом времени, П.А. Вяземский писал: «Вологодский поэт Остолопов, заимствовав тогда счастливое и пророческое выражение из письма ко мне А.И. Тургенева, заключил одно патриотическое стихотворение следующим стихом: Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу... Таким образом, в нашем вологодском захолустье выведен был ясно и непогрешительно вопрос, который в то время мог казаться еще весьма сомнительным и в глазах дальновидных политиков. Недаром говорят, что поэт есть вещий. Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814г., было еще в 1812 году дело уже порешенное губернским прокурором в Вологде...»

И все-таки П. А. Вяземскому не хватало общения со старыми друзьями. Именно в Вологде осенью 1812 г. поэт сочинит стихотворное послание «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину». Ожидая с нетерпением визита к своим сестрам К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземский в одном из писем к нему написал: «Я все еще не расстаюсь с очаровательной сею надеждою, и сердце мое говорит мне, вопреки всему письму твоему, что я обниму тебя здесь, что ты пожелаешь увидеть друга, может быть, в последний раз и посвятить несколько часов той дружбе, которая должна была нас утешить в старости, и с которою суждено нам, может быть, проститься почти при самом начале и на заре жизни нашей...» Известный поэт в письме выражает спокойствие к «московским собраниям», он говорит о том, что живет в городе, где «тихо и смирно», но «будь с нами Карамзин, ты и Жуковский, — я никогда не мыслил бы выехать. Москвы нет, и мне везде хорошо, потому что нигде не может быть приятно...» П. А. Вяземский надеялся скоро «оставить здешние болоты» и уехать в Ярославль, но «грядущее» для поэта «незримо». Он приглашал друзей в Вологду, особенно настойчиво К.Н. Батюшкова.

Ехать в Вологду К.Н. Батюшкову не хотелось, о чем он и писал П.А. Вяземскому, но надежда увидеться с ним окрыляла его: «Ты меня зовешь в Вологду, и я, конечно, приехал бы, не замедля минутой, если б была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и то же. Я в этом городе бывая на короткое время и всегда с новыми огорчениями возвращался. Но теперь увидеться с тобою и родными для меня будет приятно...»

Приезжал К. Н. Батюшков в Вологду дважды: в октябре и декабре 1812 г. Друзья встречались у сестер поэта и вели живые литературные споры. Его спрашивали об увиденных злодеяниях наполеоновских солдат. Возвращаясь через оставленную Москву, он лицезрел ужасный вид разрушенной белокаменной столицы. Именно этот вид и подвигнул К. Н. Батюшкова на знаменитую поэтическую клятву — стихотворение «К Дашкову». Его он читал в Вологде и постоянно делился с П. А. Вяземским об увиденных происшествиях.

Оказавшись оторванным от привычной московской жизни, П.А. Вяземский остро ощущал отсутствие старых друзей, составлявших узкий круг поэтического сообщества. С нетерпением он ожидал от них корреспонденции, в которой со всех сторон обширной страны сообщались известия о литературной и общественной жизни государства. Особенно часто поэт

переписывался с К.Н.Батюшковым, В.Л.Пушкиным, Д.П. Севериным, П.В. Мятлевым, Н.Ф. Грамматиным. Поддерживалась его связь с Петербургом. Приходили письма от Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского, которые интересовались жизнью вологодских стихотворцев.

«Вообще литература, — вспоминал поэт о жизни в Вологде, — была любимым развлечением в тяжкую осень 1812 года. Особенно, когда военные действия приняли лучший оборот и с освобождением Москвы от неприятеля сердце у нас отлегло и ... прежние испытания были забыты...»

Последнее письмо в Вологду Вяземским пришло в конце января 1813г. от А.С. Грибоедова. В опустошенную Москву собирались ее жители, и будущий автор комедии «Горе от ума» зывал поэт отправиться в первопрестольную: «Бросайте же Вологду и приезжайте насладиться той радостью, с которой вас встретят все наши добрые знакомые, которым прошу причислить и вашего усердного А. Грибоедова. Тысячу добрых пожеланий от меня князю».

Покинул Вологду П.А. Вяземский в феврале 1813г. Возвратившись после непродолжительного отсутствия в Москву, он первоначально намеревался вернуться в армию, однако, по слабости здоровья, покинул военную службу и поселился в Остафьево.

Одновременно с П.А. Вяземским в эвакуации в Вологде находились профессор Московского университета Христиан Шлецер, известный московский врач и автор «Истории медицины в России» Вильгельм Рихтер, а также весьма почтенный в российских масонских кругах предводитель русских масонов О.А. Поздеев. Следует отметить, что в Вологде еще никогда сразу не собиралось столько известных людей. Все они в патриархальную жизнь губернского города внесли заметное оживление. Во время Отечественной войны 1812 года в этот уголок старины со всех концов страны шли потоком письма с известиями о литературной и общественной жизни России. Письма из армии, которые передавались из рук в руки, выполняли функцию газеты: письма не стеснялись передавать и переписывать. Однако они, к сожалению, до последнего времени историками в контексте изучения истории русской провинции эпохи наполеоновского нашествия еще не исследовались.